

Дмитрий МУРЗИН

БЕНГАЛЬСКАЯ

ВОДА

84Р6
М 31

Дмитрий МУРЗИН

БЕНГАЛЬСКАЯ
ВОДА

Москва
Вест-Консалтинг
2014

ББК 84.3Р7
М91

(8)

97112 (1)

Мурзин, Д. В.
М91 Бенгальская вода: стихи. —
М.: Вест-Консалтинг, 2014. — 112 с.

ISBN 978-5-91865-268-8

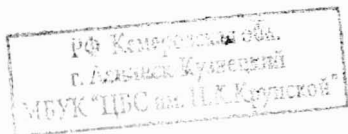
Художник О. Помыткина

ББК 84.3Р7

ISBN 978-5-91865-268-8

- © Д. Мурзин, 2014
- © Е. Горбовская, предисловие, 2014
- © А. Горнон, предисловие, 2014
- © Вест-Консалтинг, 2014

Предисловие

Поэзия Дмитрия Мурзина — это, прежде всего, необыкновенная чистота и та особенная пластичность, с которой он прикасается как к самому сокровенному, так и к самому обыденному — тихо, спокойно и мудро перебирая струны полярных, а порой и экстремальных, человеческих ситуаций и чувств и одним только своим прикосновением превращая обыденное в сокровенное.

Одним из замечательных и ярких свойств лирики Дмитрия Мурзина является его особое отношение к человеческой драме в целом, его «акварельное» видение, где драматизм ситуаций почти всегда, не успев вступить в свои права, уступает место катарсису, тем самым сообщая лирике особую пленительную лёгкость.

Если бы у меня не было своих стихов, я бы хотела, чтобы стихи Дмитрия Мурзина были моими.

Екатерина ГОРБОВСКАЯ

О «Бенгальской воде» Дмитрия Мурзина

Читая новый поэтический сборник Дмитрия Мурзина, ловишь себя на мысли, что, казалось бы, расхожий, не отягощённый ответом вопрос: из чего «растут» стихи? — в данном случае не является таким уж банальным и риторическим.

*Сдержанное молчание
На основных частотах.
Нет. Ещё не отчаянье.
Но уже что-то.*

Есть поэты, которым для написания стихотворения необходимо сначала найти особое поэтическое выражение — некий смысловой конгломерат, магический кристалл, где, как в семечке, уже содержится всё, что будет написано ниже. Поэзия у них являет себя не как чудо, а как неоспоримое чудо: не вода в кувшине превращается в вино, а кувшин с вином сразу появляется на столе. Оно не позволяет усомниться, не требует ни объяснений, ни человеческого участия.

У Дмитрия Мурзина не только каждое стихотворение, но и каждая строфа обычно начинается вполне прозаически. Вот первая строчка, вот вторая... И грамматика, и синтаксис в полном порядке. Всё правильно, со всем соглашаешься. Прозрачность. Прозаичность. Ещё слово, ещё... И вдруг, в буквальном смысле на глазах, строчки преобразуются, слова оживают, приобретают объём, становятся эмоционально значимыми. Читатель недоумевает: как это произошло? В нём просыпается Фома не столько неверующий, сколько удивлённый. Он внимательно читает следующую строфу, прислушивается к её звучанию, пытаюсь на этот раз не пропустить точку бифуркации, пограничного состояния уже живого и ещё не одушевленного. Всё напрасно.

*Здесь пожнёшь, что посеял.
Дышит всё чудесами.
Здесь нырнувший в бассейне
Может вынырнуть в храме...*

Такова она, «Бенгальская вода» Дмитрия Мурзина.

Александр ГОРНОН

ВЛАЖНЫЙ ОСТАТОК

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
Ладонь зажав запальчиво в ладони,
Не чуя ни засады, ни погони,
Как водится, забыв про всё на свете.

Мы шли с тобой, как ходят только дети,
В какой-нибудь шекспировской Вероне,
Как будто бы нас время не догонит,
Как будто нет ни старости, ни смерти.

Впустую и погоня, и засада,
Мы знали, что не нужно торопиться,
Мы понимали: всё идёт как надо.

Улыбки освещали наши лица,
Мы шли с тобой, как дождь идёт в Макондо.
Мы просто не могли остановиться.

На всё про всё осталось полчаса.
Я сам себе назначил эти сроки.
Подобье циферблата, колеса,
Вращенье выворачивает строки.

Идут часы, опять же — полчаса,
Семь раз отмерь и ошибись в расчётах...

Пускай мы не на разных полюсах —
Вполне смертельна разница в широтах.

* * *

Возьми меня в ночной абонемент.
Возьми меня в дозор, в разведку, в драку.
Возьми на мушку, выбери момент,
Убей, как друга или как собаку.

Прими меня в штыки или на грудь.
Возьми меня на сдачу, словно спички,
Как сотню грамм, закушай чем-нибудь.
Вот так раз пять — и я войду в привычку.

Красиво жить — не запретишь,
Так запрети жить некрасиво,
Пускай слеза настольной ивы
Настольный жалобит камыш.

Красиво жить не запретишь.
Пускай звезда в твоём колодце
Не отразится, а взорвётся,
И ты об этом промолчишь.

Красиво жить не запретишь.
Пусть в небе отразится небо,
И ночь придёт чернее хлеба,
Когда ты сладко-сладко спишь.

Красиво жить не запретишь,
Пусть я приду не раньше ночи,
А дальше — место многоточий,
А дальше — кыш, читатель, кыш...

* * *

Я помню чудное... Беспечен,
И два не чудных я забыл...
Придёт февраль, наступит вечер
И серафимый шестикрыл
Нас разберёт на чёт и нечет.
А февраля и след простыл...
И нам оправдываться нечем
И незачем. Я Вас любил
И (даже!) обнимал за плечи...

Одесса. Лето 1977 года

Вот то Чёрное море, где
Я учился глаза открывать в воде,
Так и не научившись плавать...
Понимая мир едва ли на треть,
Я бросал в прилив возвращенья медь,
Не предчувствуя крах державы.

От Одессы память вернула лишь
Соль лимана и частный сектор крыш,
Да экскурсию в катакомбы.
Мы снимали комнату «для гостей»,
Пахла чем-то солёным моя постель,
На подушке синели ромбы.

Во дворе, как водится, виноград,
И хозяйкин, грозный такой, халат,
Говорит: «Не ешь, он незрелый».
А я всё же ел, и кривило рот —
Не был сладок этот запретный плод,
Но зато мне было две Евы.

Евам было по одиннадцать лет,
Я когда-то помнил восемь примет,
По которым их различали...
Нет иных таких среди Надь и Лен,

Ведь они похожи, как пара колен,
Как одна сторона медали.

Из чудес вечерних, ау, смотри,
Кабачок пустой, со свечой внутри,
Как провалы, горят глазницы,
Польхают ноздри, пылает пасть,
Надо мною страх обретает власть,
И потом полночи не спится.

Ночью было душно, а днём — жара,
Остальное — смутно, чай, не вчера,
Было жизни седьмое лето.
Тридцать лет, для памяти — всё же крюк,
Остаётся запах, уходит звук
По слепящей полоске света.

Жара № 2

Этим летом, говорят в народе,
Что-то невозможное в природе,
Пиво закипает в пищеводе,
Засыхает на лету плевков.
Вот уже вторую четверть часа
Умирает очередь за квасом,
Продавец похож на Фантомаса,
Разливает жёлтый кипяток.

Моряки, спасайте наши души,
Обгорает кожа, пухнут уши,
И всё невозможней жить на суше,
Господи, пошли хотя бы тень...
Город в воду прыгает с откоса,
Небо выцветает, даль белёса,
И без спички пыхнет папироса...
Перелетовать бы этот день.

На ногах — печёные кроссовки,
Всё несвеже, липко и неловко,
Даже открывая газировку,
Суеверно говоришь: «Сезам».
Враг-прогноз нам не сулит осадки,
Абрикосы жёлтые несладки,
Солнца раскалённая облатка
Выжигает серые глаза.

А недавно в них зима катила,
Вьюга на стекле значки лепила,
И мороз, эпическая сила,
Был не лучше нынешней жары.
Хорошо хоть отступает ночью,
Мы с тобой переживём что хочешь,
Нам с тобой, в отличие от прочих,
Наплевать на правила игры.

Нас ударят, ну а мы — как мячик,
Мы переживём все неудачи,
В том, что мы устроены иначе,
Нету ни заслуги, ни вины.
Солнце пробивается сквозь штору
Подглядеть своим пытливым взором
Счастье невозможное, в котором
Мы с тобой опять уличены.

Выйдешь в чём есть из трамвая,
В воздухе пахнет грозой,
Светит звезда роковая
Ласковой бирюзой.

Выдохнет ночь, как живая,
В спину, листвою шурша...
Ходят по кругу трамваи,
Мается в круге душа.

Светит звезда, остывая...
Будто бы над головой
Смерть, падла, как таковая
Жизни как таковой.

* * *

Кончается век как ни в чём не бывало,
Кончается так, как кончаться привык.
А мы продолжаемся. Дело за малым —
Успеть отпустить застоявшийся миг.

Кончается век, словно ниточка рвётся,
Но крутится-вертится шар голубой.
И жизнь продолжается, жизнь остаётся,
Как солнце, висящее вниз головой.

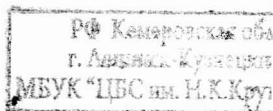
* * *

В старом кресле старый Бунин
Новый замысел лелеет,
Говорит, мол, все там будем,
Пишет «Тёмные аллеи».

В новом маленьком рассказе
Много воздуха и солнца.
То, что он придумал в Грассе,
Нас, сегодняшних, коснётся.

Героиня роковая
Никого не пожалеет...
Бунин пишет, Бунин знает —
Есть ли свет в конце аллеи.

97-112(1)

Шторы задёрнуть, чтобы всю ночь до утра
На негативах угадывать: ху из ху?
Смотреть, как в ванночке соль серебра
Реагирует на всякую чепуху...

Считать до пяти, экспонируя «бромпортрет»
Увеличителем «Юность», похожим на самовар,
Сожалеть о том, что резкости нет, да и счастья нет,
Ракурс не тот, голова не попала в кадр.

Вот ты со мной, вот ты с ним, вот ты одна,
Сделать ещё пару карточек — и шабаш...
Наблюдать, как твоё лицо всплывает со дна,
И, засыпая, пинцет уронить в фиксаж.

хочется лёгкого — рук твоих на загривке.
ветки черёмухи. тёплого молока.
всё чересчур — букетик сирени, сливки
и слишком тяжелые белые облака.

всё чересчур. я получил с лихвою,
гуще, больше, сильнее, невпроворот.
так чересчур, что, кажется, я завою
только с того, что зевота скривила рот.

то, что мне перепало — двоим хватило б —
друзей и предательства, верности и измен,
сколько всего память моя вместила.
столько свободы, что, кажется, лучше плен.

вместо одной мне выпало две дороги,
я был идущим, то есть осилил их,
небо копил за двоих, но зато в итоге
смерти боялся больше, чем за двоих.

* * *

Выхожу один я, надо мною —
Ни звезды, ни звука — ничего.
Я придавлен этой тишиною,
Пустотою неба своего.

И стою, не сытый и не пьяный,
Неподвластный, не познавший власть.
У судьбы — две язвы, три изъяна,
Слава Богу — жизнь не удалась.

Поэт молчит. О чём молчит поэт?
О том, что деньги есть, а музыки нет.
А вот сосед — известный музозвед,
Стихов не пишет, но всегда при музе.
Поэт с утра встаёт — небрит и наг,
Не к месту вспоминает про коньяк,
Пьёт не взахлёб и курит не взатыг —
Похмелье, и тоска с душой в союзе.

Поэт идёт, поэту всё равно,
Снаружи осень, а внутри вино,
Поэт молчит, как партизан в кино,
Но больше сходства с партизаном нету.
Уже уходит осень из-под ног,
Раскачиваясь с пятки на носок.
Поэт молчит и музе невдомёк,
Что на душе творится у поэта.

И никакой не радует исход,
Коль музу у соседа отобьёт,
То будет счастлив много, если год,
Но муза назовёт его поэтом.
Потом манатки муза соберёт,
Поэт вослед скривит усталый рот
И забормочет в рифму, обормот...
И хватит. И не думаем об этом.

Уж лучше всем остаться при своих.
Поэт пускай дожёвывает стих.
Эй, музовед, будь счастлив за двоих.
Эй, муза, доставайся музоведу.
Поэт молчит, поскольку всё — тщета,
И он не тот, и музыка не та,
Не вакуум, а недопустота,
И надо бы, да недо..., недо..., недо...

* * *

Лето кончилось. Лето прошло.
Стрекозой отплясало, отпело.
И тревогою душу свело,
И окутало брэнностью тело.

Безотчётное чувство тоски,
И куда подевалась беспечность...
Осень жёлтые носит носки,
И за шиворот капает вечность.

Осень властвует в нашем дворе,
А душа ещё грезит о лете...
В сентябре, октябре, ноябре
Человечек особенно смертен.

* * *

Если надолго зажмуриться,
Припоминаю, как сон,
Вечер, иркутскую улицу,
Ёжика с грустным лицом.

Как дальше жизнь моя сложится?
Знать бы судьбу наперёд...
Девочка с ёжиком ёжится,
Трогать его не даёт.

Полночь. Четверг. После дождика.
Пива бутылку купил.
Помню какого-то ёжика,
А о тебе позабыл.

* * *

Злой я был, когда, шатаясь,
Брёл домой по пустырю,
От обиды задыхаясь,
Нарываясь на зарю.

Злой я был и шёл сквозь темень,
Как идёт из раны кровь,
Проклиная место, время
И особенно любовь.

Ты таким меня застала —
Ярость с пеплом и золой...
Улыбнулась и сказала:
«Успокойся. Ты не злой».

* * *

Двое спят, заснув на полуслове,
Недоговорив, недошептав,
Переутомлённые любовью,
Пере-пере-пере-перестав.

За стеною замолчала вьюга,
Снег идёт в крошечной тишине,
Спящие в объятиях друг друга
Мирно улыбаются во сне.

Ночь прошла, и посветлело небо,
На пол тень упала со стола.
Он проснулся и ушёл за хлебом,
А она проснулась и ушла.

* * *

За окнами хмуро и сиро,
Уснёшь и увидишь во сне,
Что мир разделён на два мира
В какой-то ужасной войне.

В какой-то продуманной бойне,
В каком-то тумане и мгле...
И колокол на колокольне
Звонит обо всех на земле.

Ты держишь винтовку, как палку,
От страха и злости дрожишь,
Такой близорукий и жалкий,
Кого-то убить норовишь...

Окопы, обстрелы и взрывы,
И будет всё именно так,
Пока не увидишь красивый,
Пробитый осколками знак:

До вражьей столицы две мили.
И тут же проснёшься без сил
От счастья, что мы победили
И ты никого не убил.

* * *

То ли с веком-кастратом не справился,
То ли впрямь — человеческий хлам.
Все поступки мои мне не нравятся,
А по сути — не нравлюсь я сам.

Ни стишком, ни романом, ни повестью
Не изжить, не сказать напрямик
Эту мелочность, сделочки с совестью,
Будто совесть моя — ростовщик.

Наслаждаясь минутной победою,
Сам себе, сам себе говорю:
Я ведь ведаю, ведаю, ведаю,
Я ведь ведаю, что я творю.

Я ведь знаю всё это заранее,
Понимаю: за каждым углом —
Не возмездие. Нет. Наказание.
А возмездие будет потом.

* * *

Мой милый друг, я шлю тебе привет
С границы между радостью и болью.
Аз есмь региональный компонент.
Меня всего теперь изучат в школе.

И я сто раз в гробу перевернусь,
Я поперхнусь вином «Киндзмараули»,
Когда мои творенья наизусть
Промямлит второгодник Хабибуллин.

Я буду выступать то здесь, то там,
Вокруг меня — иные компоненты,
Аплодисменты, водка, суета,
И водка, и опять аплодисменты.

И так пройдут года. И много лет
Моя жена вздыхает тихо в спальне:
Где шарится её региональный,
Подвыпивший, любимый компонент.

* * *

Обмани меня по-простому,
На каком-нибудь ровном месте.
Будто Кама впадает в кому,
Отражая бардак созвездий.

А когда буду рвать-метаться,
Улыбнись и скажи, что поздно,
Обведи меня вокруг пальца,
Заведи и оставь в трёх соснах.

Дай мне вышептать твоё имя,
Подпусти меня близко-близко,
Проведи меня на мякине —
Я устал от твоих изысков.

* * *

Пока не кончатся патроны,
Пока не почернеет ворон,
Мы выстоим. Но наши жёны
Возьмут нас лаской и измором.

Пускай взирают благосклонно
С доски почёта наши лица,
Мы хороши, но наши жёны
Нас знают лучше сослуживцев.

Пусть на заре прихлынут волны,
Поймём, что никуда не деться...
Мы не рабы! Но наши жёны
Похожи на рабовладельцев.

* * *

Жизнь похожа на монету —
Аверс там, а реверс здесь.
Счастье есть, а чаю нету.
Счастья нет, а сахар есть.

Ин и янь не уживутся,
Решка заклюёт орла.
С голубой каёмкой блюдце
Опустело. Все дела.

Счастья нет, и денег нету,
Кошелёк пустой дотла.
Словно из ребра монеты
Эта женщина была.

* * *

Не давай мне, Боже, власти,
Чтоб тираном я не стал,
Да избави от напасти
Капиталить капитал.

Ниспошли смягченье нрава,
Всё, что будет — будет пусть,
Но не дай отведасть славы,
Потому что возгоржусь.

Ничего не надо даром,
Для других попрдержжи
И большие гонорары,
И большие тиражи.

Дай мне, Господи, остаться
Аутсайдером продаж
И блаженно улыбаться,
Раздаривши весь тираж.

Но дрожат от счастья пальцы,
В голове — мечтаний дым:
Сколько же сорву овец
Я смирением своим.

* * *

Наш повар варит борщ, наш повар чегеварит,
Наш повар бородат, банданист и лукав,
И лук в его руках слезу в глазу нашарит,
И защекочет нос набор его приправ...

Всё под его рукой кипит, бурлит, клокочет,
Костёр его — горит, дрова его — трещат,
Он знай себе поёт, он знай себе хохочет,
Поёт — о том о сём, смеётся — наугад.

Он весь — из озорства, побасенок, улыбок,
Случится коль чего — так он и горю рад.
А что судьба его — комедия ошибок...
Зато — костёр горит. Зато — дрова трещат.

* * *

На Хлебникове и воде...

А. Кабанов

На хлебе и Водкине день ото дня
Ты шепчешь: «Таким полюбите меня,
Небритого, в рваных трико.
Когда я весь в белом, навроде коня,
Чешу языком, словно твой Потемня, —
Любить меня очень легко.

Когда обнимают меня все подряд,
Когда грантоед я, когда кандидат —
Всё это лишь морок и взвесь.
Когда я вливаю в себя наугад
И виски, и хеннеси, и суррогат —
То в этом я тоже не весь.

Когда я на кухне шепчу этот бред
И рифмы проходят парадом планет —
Хотят этот мир изменить...
Нужны мне бумага, чернила и свет,
Мне нужно мгновение, несколько лет...
Тогда — может быть, может быть...

Нельзя обойтись парой вежливых фраз,
Решается всё только здесь и сейчас —

Нельзя оставлять на потом.
А то — не признает поэта Пегас,
А то — позабудет поэта Парнас,
А то ведь — останусь скотом...»

* * *

Катит шарик скарабей
Из навоза и песка.
Покопаешься в себе:
Всё одно — одна тоска.

Вот усмешка на губе,
Вот чернила, вот февраль,
Покопаешься в себе:
То аптека, то фонарь.

Грибоедов на арбе
Едет Пушкина встречать...
Покопаешься в себе,
И охота закопать.

* * *

Тридцать семь. Гуляю лесом.
Вместе и душа, и тело,
Потому что у Дантеса
Поважнее было дело.

И морозец некусучий,
И снежок какой-то мелкий,
И по сучьям, и по сучьям
Скачет белка, скачет белка.

Снова варежки забуду
И в карманах руки грею...
Я не предан. У Иуды
Было дело поважнее.

* * *

Как мало воздуха и света
На родине моей, в промзоне.
Мои любимые поэты
Не продаются на «ОЗОНе».

И пусть с вином у них — вендетта,
И вечно не хватает денег...
Мои любимые поэты
Не против выпить в понедельник.

А кто осудит их за это —
Почувствует себя здесь лишним.
Мои любимые поэты
Уснули.
Тише!
Тише.
Тише...

* * *

Подступает дрожь, и пронзает холод:
Я уже не юн и уже не молод.

В арифметику проникает старость:
Что уже успел, что успеть осталось.

Всё черней сухарь, всё не слаще сдоба,
И всё меньше люльки, всё больше гроба,

Всё не сахарнее уста.
Поцелуй меня, я устал.

* * *

Вяло сигарету разминаю.
Не курю. И не прошу огня.
Будто бы не знал — но вспоминаю
Тех, кто жил на свете до меня.

Как они здесь сеяли-пахали,
Как бывали здесь навеселе.
Как они наивно представляли
Всё, что будет после на земле.

Вот уж на чужом пиру похмелье,
Вот уж пальцем не туда попал...
Вряд ли они *этого* хотели,
Ничего-то я не оправдал.

Нет печи. А так — считай Емеля,
Полон весь намерений благих,
Даже помолиться не умею
За безвестных пращуров своих.

Вздвогнув и очнувшись от напасти,
Брошу сигарету — баловство,
Задыхаясь от стыда и счастья,
Как Иван, припомнивший родство.

* * *

Когда-то незнакомые слова
Казались мне садовыми цветами,
И ароматы в воздухе витали,
И медленно кружилась голова.

Набравшись не ума, а лишь морщин,
Случается, твержу себе украдкой,
Что всё же на одной возрастают грядке
И рододендрон, и адреналин.

Забывшись лишь на несколько минут,
Вхожу под свод немыслимого сада,
Где так, как в детстве, то есть так, как надо,
Гортензия с претензией цветут.

* * *

Губы — к губам.
И язык не сдержать за зубами.
Видишь, и мне
На лицо повязали глаза.
Время идёт,
И коса не находит на камень.
Время идёт,
И опять торжествует коса.
Время пришло.
Мне набросили руки на плечи.
Медленно-медленно,
Чтобы не сбросить их с плеч,
Двигаюсь я
К неизменному времени встречи.
Места не знаю.
Но им можно и пренебречь.

* * *

Сумерки крадутся по дворам...
Осень в решете приносит дождь.
И такая сладостная дрожь
По прошедшим летним вечерам.

Музыка звучит издалика,
Только та, что нравится и снится,
Только та, что освещает лица
И — не разгоняет облака.

Осень мне цветные крутит сны
На обычной простыне в горошек.
Хочется быть умным и хорошим
И не просыпаться до весны.

* * *

— Что-то рано ты ликуешь,
Рано ёкает в груди!
Так — меня не завоюешь!
Ты по воздуху иди!

— Может — рано я ликую,
Может — и наоборот!
Но тебя я завоюю! —
И по воздуху идёт.

— Ты явился слишком поздно,
И с другим мне хорошо!

А его — не держит воздух,
По которому он шёл.

Поздно, автор, слишком поздно.
Завертелся твой сюжет.
Он уже несёт ей розы,
И назад дороги нет.

Всё уже в ней сердцу мило,
Коготок уже увяз.
Автор ничего не в силах
Изменить на этот раз.

Всё — на взводе, всё — на нерве.
Поцелуев полон рот.
Только он — совсем не первый,
Кто, как в пропасть, к ней шагнёт.

Автор нагуляет проседь,
Но не выдержит — шепнёт:
— Да она же тебя бросит!
Зачеркнёт! Перелистнёт!

Так и будет, так и будет,
Ты уж автору поверь...
И не станет бить посуду,
Просто выставит за дверь.

Автор спит, но ранит душу
Еле-еле слышный глас:
— Автор! Я тебе не слушал...
Автор! Что же ты не спас?..

Феодосия

Искупаться лишь раз, в самый первый день
(Айвазовского видел, у Грина был),
Сесть куда потише, забиться в тень
И не вспоминать то, что позабыл.

Покупать на рынке вино, кизил,
Прямо в тапках ходить встречать поезда
И о том, что что-то там позабыл,
Позабыть уже навсегда.

НОВЫЕ СТРЕМЕНА

* * *

Носитель языка, чтоб уберечь язык,
Бежит из той страны, язык которой носит.
Настали времена и взяли за кадык,
И вот родная речь молчит, пощады просит.

Молчание всегда срывается на крик,
Изъята буква «ять», де-факто и де-юре.
И в колченогий стиль, как косточка в язык,
Войдет порок и бич, бред-аббревиатура.

По планам ГОЭЛРО, ВКП(б), ЧК —
Поди-ка разбери — что истинно, что ложно.
И, сгорбившись, идёт носитель языка —
И ноша тяжела, и бросить невозможно.

* * *

Здесь повторы такие,
Без жеманства и фальши,
Что не сгинет Россия,
Коль не сгнула раньше.

Здесь в чести иноземец,
Всяк заморский засранец.
То француз, а то немец.
Или американец.

Здесь пожнёшь, что посеял.
Дышит всё чудесами.
Здесь нырнувший в бассейне
Может вынырнуть в храме...

* * *

Опять страна валяется в канаве,
И снова нет в отечестве пророка.

О подвигах, о доблести, о славе
Не стоит слушать разговоров Блока.
И Тёркина менять на переправе,
И забывать, что Родина — не слово.

О подвигах, о доблести, о славе
Нам лучше разузнать у Гумилёва.

* * *

В этом мире подделок, аналогов и муляжей,
Копий, фальшивок, мороков, миражей,
Ватных статуй, гипсовых плюмажей...

Смещены акценты, попутаны под и над,
И поди разбери — это сущий ад
Или ещё дубликат.

* * *

Сдержанное молчание
На основных частотах.
Нет. Ещё не отчаянье.
Но уже что-то. Что-то.

В книжице пыжится ижица.
Знамя поистрепалось.
Мало того, что не пишется.
Не хочется, чтоб писалось.

* * *

Пришла зима в поля пустые —
Благая весть с пустых полей.
— Не узнаю тебя, Россия...
— А ты налей!

Спрячь горечь под облаткой сладкой,
Нам больше нечего терять:
Ни мужичка нет, ни лошадки,
И некому торжествовать.

* * *

Здесь колется свитер,
И длится зима по полгода.
Кричит: «Помогите!» —
Обретший свободу от брода.

Своих Чаушеску
Рожаем сквозь вязкую дрёму.
Как точно и веско
Кивает Фома на Ерёму.

Кивать так удобно,
Я тоже, бывало, кивал...
От дружбы народов
Остались фонтан и журнал.

* * *

Куплю русской водки дешёвой —
Увы мне и ах, поделом! —
Китайским заем корнишоном,
Турецким утрюсь рукавом.

С чего я так спёкса и сдрейфил?
Работа есть, дом и семья...
Но пахнет сибирскою нефтью
Мой стол и одежда моя.

Карлсон, который живёт в подвале

Мужчина в самом закате сил
Милостыню просил.

Дело житейское, пустяки,
Мимо руки пятаки.

Нет Малыша, негде жить,
Некого низводить,

Что-то он совсем изнемог.
Где же ты, его Фрекен Бок?

Некуда бежать молоку.
Некуда идти старику.

* * *

Друг ситный, мы стареем не по дням...

А. Гамзов

Список вписок. Перечень причин.
Выпасть из реестра, из регистра
Еле-еле или быстро-быстро...
Состоять из шрамов и морщин.

Список кораблей и середин,
Азм — зола, а начинался с искры,
Мог бы стать товарищем министра,
Никаких бы: «Ай да сукин сын!»

В этот век ненастный и кровавый
Лучше задушить в себе поэта,
Лучше промахнуться на октаву,
Нежели продаться за монету,
Повестись на почести и славу...
Вот и всё. И кончимся на этом.

* * *

*Скрипит? А ты лоскут газеты
Сложи в старательный квадрат
И приспособь, чтоб дверца эта
Не отворялась невпопад.*

С. Гандлевский

Скрипит. Теряешь дни недели,
С набухшей веной на виске.
В какой-то мерзостной тоске.
В каком-то гадостном похмелье.

Всё кое-как. Всё еле-еле.
На ниточке. На волоске.
На честном слове. На песке.
Всё на соплях на самом деле.

Скрипит. И разъедает душу
Так, что душа наружу аж,
Как будто вата из-под плюша...
Сидишь. Бормочешь «Отче наш...»

А ты Гандлевского не слушай.
А ты, чтоб не скрипело, — смажь!

* * *

Я покопался в душе и нашёл Иуду.
Я покопался в сердце и нашёл Иуду.
Я покопался в уме и нашёл Иуду.
Я порылся в карманах и нашёл серебро.

* * *

Как нахохлишься — сразу направо,
Загаси, положи на пенёк,
Как накроется слава, халява —
Пригодится бычок.

Всё закончилось. Сточены ляды.
Хватит корчить придурка.
Ты вернулся напрасно.
Ни пенька. Ни окурка.

limita la commedia

Каждый год усталая провинция
Лучших сыновей и дочерей
Посылает, чтобы откупиться,
В главный город Родины своей.

Чтоб найти себе в столице нишу,
Сядут в самолёты, поезда —
И покинут город, их взрастивший,
Чтобы не вернуться никогда.

Станут кофе пить в кафе на Бронной,
Будут пачкать Чистые пруды...
В сумерках покурят на балконе —
И «звезда полей» им до звезды.

Край родной повспоминав ночами,
Выбросив от прошлого ключи,
Станут даже больше москвичами,
Чем все коренные москвичи...

Будут на работу торопиться
И красот Москвы не замечать.
Будут новым жителям столицы
В спину: «Понаехали!» — ворчать.

Жизнь пройдёт, как очередь у кассы.
И шепнёт: «Чего-то мне херо...» —
Пушечное офисное мясо,
Пассажир московского метро.

Что тебе мир, валяющийся у ног,
Будто не ты, а мир беспробудно пьян.
«Есть ещё Океан!» — говорящий Блок.
«Есть ещё Блок!» — отвечающий Океан.

Есть ещё порох на складе пороховом.
А на продуктовом складе нет ни шиша.
То, что писал топор — зачеркнёт пером
Сытое тело. Резиновая душа.

Бутылки стоят, забвениями дразня,
Но чем дешевле питьё — тем мертвее сны.
Будут конфликты. Мелочная возня.
Только возня. И никакой войны.

Каждый забился в свой отдельный мирок,
Напоминающий пластиковый стакан.
В мире, почти забывшем, что есть ещё Блок.
В мире, почти забывшем, ЧТО есть Океан.

* * *

А. Кабанову

Ах, не ври. И при мне не вибрируй,
Не сбивай весь квартал на верлибр.
Отречёмся от нового мира,
Напечатает нас «Старый мир».

Ах, постой, ничего мы не стоим,
Ничего мы не значим нигде.
В отвратительном вечном покое,
Где звезда говорит о звезде.

Вы же знали — мы сами с нулями,
Вы же видели, как мы ушли:
Не касаясь земли костылями
И вообще не касаясь земли.

Морок о детстве

Эскулап, умывающий лапы,
Пациент, разевающий рот.
Вечномедленный Аэрофлот.
Телевизор: сатрап возле трапа,

А потом Степашка и Хрю...

С неизменной «Примою» папа,
Отгребающий снег у ворот.
На дворе замечательный год,
Как мне кажется — год Тихой Сапы

По китайскому календарю.

* * *

Падает снег на снег.
Медленнее, чем блюз,
Пишет любимец муз,
Выживший имярек.

Выживший из ума,
Пишет стихи поэт.
Падает навзничь свет,
И наступает тьма.

* * *

белый шум разговора

А. Жестов

Если вспомнить — да сколько речей утекло:
Угрожали, сулили и брали на понт...
Телевизор погас, мозг промыт, как стекло,
Закрываешь глаза, как союзники — фронт.

Открываешь глаза — а союзников нет,
Не моргая, глядишь... в крышку? нет, в потолок.
Если раньше с зарёю мерещился Фет,
Нынче точно в двенадцать является Блок.

И лежишь, как боец, потерявший отряд,
Потолок изучаешь, как будто матчасть.

Но когда все вокруг говорят, говорят —
Нужно что-нибудь делать. Хотя бы молчать.

* * *

Внезапно замолчали соловьи,
Напившись неба, захлебнувшись высью...
— Иванушка, не пей из колеи,
Тойотой станешь, хондой, мицубисью!

Но выпало всем сёстрам по серьгам,
Алёнушку везла «калина лада»
По всем семи холмам, по всем кругам
По всем развязкам дантовского МКАДа.

* * *

...а мог бы взять — да пренебречь,
сослаться на работу.
теперь сиди и слушай речь
над вечным натюрмортом:

бутылка, ломтик огурца
домашнего посола
и запах, будто жгут сердца
просроченным глаголом.

РЫБИЙ ЖАНР

* * *

Репетиция вечности в полном разгаре,
А вечно хмельной дирижёр
И не то, чтоб в ударе...
Но музыка льётся из пор

И сочится, как слёзы из глаз, и
Клубится, как пар изо рта,
И стучит, чтоб не сглазить,
По дереву. И суета

Отступает и прячется в тень от портьеры.
И первая скрипка в усы
Усмехнулся и первым
Не в такт посмотрел на часы.

* * *

Что там в стакане? Чай?
Зелье против тоски?
Вот он, родимый край,
Встань и запоминай
Целое и куски.

Как на картине, где
Лишнего нет мазка,
Мир висит на звезде,
Крошкой на бороде,
Пулею у виска.

Вот вам и свет в окне,
Вот вам отчизны дым.
Мир лежит на спине,
Ноги раздвинув. Мне
Не по дороге с ним.

Что же будет теперь?
Не погасив звезду,
Вышел Господь за дверь...
Что ты мне шепчешь? Верь?
Холодно, как в аду.

* * *

Искусственность дыхания рот в рот,
На выдох-вдох — чтобы трещали рёбра...
Ну, что же ты? Дыши, дыши, сынок!
Ну, что же ты? Дыши, дыши, урод!
Открыл глаза. Ну, здравствуй. Вечер добрый.
Теперь ты жив. Теперь ты одинок.

В глухой Сибири, где бродит лось
И сладка вода родника,
Течёт и пробует на износ
Русло своё река.

Берега её утопают в песке,
Воды её легки.
Но те, кто живёт на этой реке,
Боятся этой реки.

Наступит зима, когда нужно зиме,
Льдом эту реку скуёт.
Никто из местных в своём уме
Не ступит на этот лёд.

Прощай, рыбалка, рыбка, прощай,
Не будет подлёдным лов.
Не тронется лёд, не наступит май —
Рыбак не покинет кров.

По небу крадётся, словно шпион,
Поздний зимний рассвет.
А по-над речкой — малиновый звон.
Малиновой звона нет.

Звон ненадёжных зимних оков,
Пока не померкнет свет.

Лёд звенит, но ни рыбаков,
Ни конькобежцев нет.

Лёд, звенящий, но хрупкий лёд
Провалами чреват.
Система ходов, система пустот
Изрыли лёд наугад.

Система дыр и система нор.
Шаг ступил — и привет.
В этой реке есть рыба-шахтёр —
В других местах её нет.

Черна, как смоль, с фонарём во лбу
И с плавником-киркой,
Рыба-шахтёр, проклиная судьбу,
Ушла в ледяной забой.

У местных с неместными вышел спор,
Как есть, о природе вещей:
Зачем нужна эта рыба-шахтёр
И есть ли она вообще.

Спор утихает, но лёд звенит,
И пацаны твердят:
Мол, рыба-шахтёр найдёт динамит,
И местные победят.

* * *

...Идти к вокзалам трём после обеда...
Из города в другие города
Здесь каждый день уходят поезда.
Я на одном из них сейчас уеду.

Сегодня понедельник, значит, в среду
Ты спросишь: «Любишь?» Я отвечу: «Да...»
Ещё сто раз — и больше никогда.
Ещё сто раз — и ты за мною следом.

Я говорю столице: «Отпусти».
Вхожу в вагон, в котором места мало,
И лезу с головой под одеяло.

А поезд всё не может отойти
С какого-нибудь третьего пути
Ужасно Ярославского вокзала.

О. М.

В суставах хруст аттических солей,
Век-волкодав и он же век-заноза.
Такие нас трясут метаморфозы!
Что ваш Овидий, что ваш Апулей.

Я — середина списка кораблей.
Египетская марка, четверть прозы,
Шум времени и Тютчева стрекозы,
Московский гной, воронежский елей.

Я — смешан рай, и ад, и Ленинград,
С военной астрой вышел на парад.
Я — камень, но не камень преткновенья.
И с головой, закинутой до пят,
В пустом восьмом трамвае невпопад
Читаю вам своё стихотворенье.

* * *

Выпавший из расписанья скорый,
Жидкий чай, кроссворд и карандаш.
Всё леса, поля, леса, заборы —
Движущийся медленно пейзаж.

О ненужном радио вещает.
Жарко, душно, как в гриппозном сне,
Сахар в кипятке казённом тает,
Как апрельский запоздавший снег.

Ложечка стучит в железной кружке,
Не трясёт вагон — трясётся мир,
И лежит на верхней боковушке
Умерший от счастья пассажир.

* * *

Мне стыдно вспомнить почему-то,
Хоть красным выделяй строку,
Как во дворе Литинститута
Давал начало ручейку,

Не позаботившись о тыле:
Припёрло так, что прямо край!
А за спиной окно открыли...
«Что он творит! Ах, негодяй!» —

Сказал мне в спину ректор Есин.
И тут же замолчал ручей.

Напредавал. Накуролесил.
А стыдно из-за мелочей.

* * *

В глазах рябит,
Будто зебру с берёзы
Сгоняют шлагбаумом.

Автору от персонажей

Дело провернём — как дважды два.
Проберёмся к автору в квартиру.
Пошуршим пером. Расстроим лиру.
Поменяем строчки и слова.

Пусть его кружится голова,
Будто мирозданье на шарнирах.
Мы перевернём картину мира,
Типа: он не прав, она права.

Пусть вино заранее стоит
Над икрою чёрной или красной.
Всякие конфеты-ананасы.

На двоих стол тщательно накрыт.
Тщательно. И всё-таки напрасно.
Автор не дождался. Автор спит.

Давай я тебя выдумаю.
Давай я тебя выдумаю капризной.
Ты будешь дуться на меня за верлибр
И просить сонет.

Я выдумаю тебе
Лукавые глаза,
Непослушные волосы,
Веснушки
И всё остальное.

Ты скажешь:
«Открой дверь,
Закрой глаза».

И войдёшь.

Я спрошу:
«Где ты была?»

Ты ответишь:
«Ходила за хлебом.
Купила сумочку.
И у меня не осталось денег».

* * *

Я вышел из абсурдовоза
И молвил маю: отвали.
Все врут: весна, календари.
Прощай, души моей заноза!

Что не поэзия — то проза,
Жизнь заново перебели
И, отрываясь от земли,
Шепчи: морозы-розы-грозы.

Пусть станет как обычно — жутко.
Сыграй со мною, Моцарт, шутку!
Сыграй со мною фугу, Бах!

Сыграет пошлость пухлый лабух...
Весна идёт на тонких лапах,
И я — как мышь в её зубах.

* * *

обжегшись крапивой
дуют
на одуванчик

Геннадию Григорьеву

стоял апрель
усталый пешеход
скользил к подъезду
медленно и робко
он думал черепной своей коробкой
что
чѐ-та слишком скользкий
этот лёд.

стоял апрель
сидел облезлый кот
каким-то чудом переживший зиму
у самого
пивного магазина
и кучу клал
на этот самый лёд.

стоял апрель
как стража у ворот
уже мужчины
опустили ворот
и снова
новый снег
пошёл на город
но поскользнулся
и упал
на лёд.

* * *

Время? — После обеда
(кажется, мне не рады).
Мыслью в порядке бреда
(что тогда — беспорядок?)

Мыслью в порядке бреда:
Выпал четверг и вторник,
Помню хотя бы среду,
Фикус и подоконник.

Лепо всё иль нелепо.
Вспомнить — где сколько выпил.
Вспомнить — куда я еду.
В качестве Бреда.
Питта.
В количестве Джонни Деппа.

* * *

дерево в степи
одинокое
как человек

Мама, мне снилось поле,
В поле гуляла пуля.
Было ей там раздолье,
Было ей там июлье.

Было ей там раздолье,
Было чем поживиться.
Птицы ушли в подполье.
Люди стали как птицы.

Мама, мне снилось лето,
Пчёлы, солнце в зените,
Первая сигарета,
Прожжённый свитер.

Старая радиола,
Бал выпускной и танцы...
Мама, мне снилась школа...
К чему покойники снятся?

* * *

Джонсонс беби вырвется из тюрьмы
И уйдёт в леса до зимы.

А когда в лесах затрещит мороз,
Поезда пойдут под откос.

Упадут самолёты, сядут на мели суда,
Джонсонс беби войдёт в города,

Как ОМОН входит в детский сад,
И покрошит всех на салат.

Будет всё крушить, как медведь-шатун,
И никто не вспомнит, что это — шампунь...

Вариации

Каучук, каугек, каугектор.
Слишком короток век, то есть вектор.
Политех, палисад, полицай,
Медведей, лицедей, порицай.
Повелительных, враг, наклонений,
На колени, мой друг, на колени
И заройся лицом мне в плечо.
Не финал. Но уже горячо.

* * *

«я сослан к музе на галеры»

Леонид Губанов

1

Принять с утра две полумеры,
Потом сварганить бутерброд,
Я твой навек, моя галера,
Зашей мне рот.

2

Стихи меня не прокормили —
С паршивой музыки — рифмы клок,
Но чтоб меня не отпустили —
Внеси страдательный залог.

* * *

Максиму Уколову

мы пьём из незнакомых пузырьков
нам налито с эпохи неолита
пусть наша ставка, карта, морда бита
и не сносить башки и башмаков

а ля аля-улю, а ля альков
не подавать руки, примера, вида
попутать ноту *си* и ноту *МИ*Да
кто был таков — останется таков

абсурдная сурдинка серенады
под шорохи шарады листопада
задрипанное наше дрип-ца-ца

и больше ничего уже не надо
ни льда и ни присяжных, ни парада,
ни тельца золочёного тельца

* * *

Граф де ля Фер читает Бродского на «Культуре»,
Я в гастрономе разжился сухим вином,
Жизнь замерла в предощущеньи бури,
Лишь за окном режутся в домино.

Время течёт, ты больше не юный дурень,
До пожилого дурня ещё не дорос,
Граф де ля Фер читает Бродского на «Культуре»,
Николая Рубцова читает старый Атос.

* * *

Эта музыка — музыки для.
Для того, чтоб вращалась Земля.

Для того, чтобы розы цвели,
Чтоб хмелели, смелели шмели,

Чтоб прозрачный и призрачный весь
За деревьями прятался лес,

Чтоб, пробившись меж сосен и туч,
В паутине запутался луч...

...

А диктует мне весь этот свет —
Афанасий. Не факт, что не Фет.

* * *

Мастер пропивает мастерство.
Домино. Костяшка «пусто-пусто».
Из запоя делает искусство.
Из искусства лепит баловство.

Мастер пропивает мастерство.
«Направленье спьяну», как у Пруста.
Виноват, мол, есть такое чувство,
Номер шесть, палаты статус-кво.

Каждый день с утра душа горит.
Пушкин строго смотрит на пиита:
Жив ли этот хоть один пиит?
Каждый день с утра душа горит.

И

Мастер болен. Мастера тошнит.
Мастер пропивает Маргариту.

Рыбный день

1

Рыба-отец берёт рыбу-ремень
Воспитывать рыбу-дочь.
Так начинается рыбный день
(Кончается рыбная ночь).

Это какая-то рыба-кошмар,
Траченный осьминог!
Его любимая рыба-школяр
Не знает рыбу-урок!

2

Рыба-отец встретил рыбу-коньяк
И страшную рыбу-Агдам.
И всё поплыло наперекосяк,
Как рыба-трам-тарарам.

С рыбой-отец — рыба-бодун,
Под глазом — рыба-фонарь,
Его голова словно рыба-чугун,
Рот его — рыба-сухарь.

3

Рыба-народ на ответственный пост
Выбрал рыбу-вождя,
Но рыбе-вождю попала под хвост
Мерзкая рыба-вожжа.

У рыбы-вождя судьба не легка,
Вокруг — одни рыбы-враги.
И кажется, что вокруг поплавка
Идут по воде круги.

4

Усну и думаю: не проснусь.
Вот он, жизни итог.
А снится только рыба-союз,
Только рыба-предлог.

Снятся одни только рыбы-вот,
Рыбы-и, рыбы-но...
Только рыба-плохой перевод
Портит рыбу-кино...

Отпустишь на волю рыбу-стрелу,
Сама сбежит рыба-побег,
И наяву на рыбу-траву
Падает рыба-снег.

Рыба-тоска без конца грустит,
Спросишь: «Жива?» — «Жива».
А мне всё кажется, что блестит
Рыбная тетива.

Он смотрит косо и тяжело,
Дышит как-то не так.
То ли плавник его, то ли крыло
Вздрагивает не в такт.

Он молчалив, словно рыбий хор,
Отвратен, как рыбий жир.
И, точно рыба-плохой танцор,
Обижен на этот мир.

Смотри, как рыба-нить наугад
Ищет рыбу-иглу,
А рыба-вперёд и рыба-назад
Дразнят рыбу-пилу.

Рыба-хозяин и рыба-гость
Плеснут себе по глотку...
Смотри, родная, как рыба-гвоздь
Скучает по молотку.

Каждый охотник желает знать...
Помнишь ведь, милый мой,
Что, кроме рыбы-пошли гулять,
Есть рыба-пора домой.

Видно, соринка попала в глаз,
Вот ты и смотришь в окно.
Жалко, конечно, что рыба-сейчас
Съела рыбу-давно.

Ничто — не слишком, всего — не жаль!
Еже комон — комон.
Давно уже побоку рыба-мораль,
Побоку рыба-закон.

И рыба-лексус всегда права,
Как, впрочем, и рыба-джип.
И почему-то рыба-Москва
Прожорливей прочих рыб.

Лишь там, где рыба-солнце живёт,
Плавает рыба-тень.
Кончается лето, кончается год.
Кончается рыбный день.

Так было всегда и так будет везде.
Успеем туда успеть,
Где в тёмной воде, холодной воде
Водится рыба-смерть.

.. Зарекшись от сумо и от трюмо,
Не поступив ни в ГИТИС, ни в МГИМО,
Как в общем-то не поступил бы каждый,
Сижу теперь над рухлядью бумажной,
Проходят дни, короче этих строк,
И важное становится неважным.

Добавь сюда по вкусу матерок.

Молитва пазла

Прошу тебя
Больше
Не разбирай меня

Вторая молитва пазла

Прошу тебя
Больше
Не собирай меня

ад писателя — это лес,
срубленный для его публикаций.

сплошные пеньки до горизонта.

садишься на пенёк,
а он тебе нашёптывает
строки твои.

и на какой пенёк не сядешь —
звучит что-то жалкое,
твое, но жалкое.

и ты мечешься
от пенька к пеньку,
ищешь дерево,
срубленное не зря.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Е. Горбовская, А. Горнон 3

ВЛАЖНЫЙ ОСТАТОК

«Мы шли с тобой, как ходят только дети...».....	6
«На всё про всё осталось полчаса...»	7
«Возьми меня в ночной абонемент...»	8
«Красиво жить – не запретишь...»	9
«Я помню чудное... Беспечен...».....	10
Одесса. Лето 1977 года.	11
Жара № 2	13
«Выйдешь в чём есть из трамвая...».....	15
«Кончается век, как ни в чём ни бывало...»	16
«В старом кресле старый Бунин...»	17
«Шторы задёрнуть, чтобы всю ночь до утра...».....	18
«хочется лёгкого: рук твоих на загровке...»	19
«Выхожу один я, надо мною...».....	20
«Поэт молчит. О чём молчит поэт?...».....	21
«Лето кончилось. Лето прошло...»	23
«Если надолго зажмуриться...»	24
«Злой я был, когда, шатаюсь...».....	25
«Двое спят, заснув на полуслове...»	26
«За окнами хмуро и сиро...»	27
«То ли с веком-кастратом не справился...»	28
«Мой милый друг, я шлю тебе привет...»	29
«Обмани меня по-простому...»	30

«Пока не кончатся патроны...».....	31
«Жизнь похожа на монету...».....	32
«Не давай мне, Боже, власти...».....	33
«Наш повар варит борщ, наш повар чегеварит...».....	34
«На хлебе и Водкине день ото дня...».....	35
«Катит шарик скарабей...».....	37
«Тридцать семь. Гуляю лесом...».....	38
«Как мало воздуха и света...».....	39
«Подступает дрожь и пронзает холод...».....	40
«Вяло сигарету разминаю...».....	41
«Когда-то незнакомые слова...».....	42
«Губы – к губам...».....	43
«Сумерки крадутся по дворам...».....	44
«– Что-то рано ты ликуешь...».....	45
«Поздно, автор, слишком поздно...».....	46
Феодосия.....	48

НОВЫЕ СТРЕМЕНА

«Носитель языка, чтоб уберечь язык...».....	50
«И когда ты раскрываешь объятия, снимаешь платье...».....	51
«Здесь повторы такие...».....	52
«Опять страна валяется в канаве...».....	53
«В этом мире подделок, аналогов и муляжей...».....	54

«Сдержанное молчание...»	55
«Пришла зима в поля пустые...»	56
«Здесь колется свитер...»	57
«Куплю русской водки дешёвой...»	58
Карлсон, который живёт в подвале	59
«Список вписок. Перечень причин...»	60
«Скрипит. Теряешь дни недели...»	61
«Я покопался в душе и нашёл Иуду...»	62
«Если пароль “хапёр”, то отзыв “хапёр инвест”...»	63
«Как нахолишься – сразу направо...»	64
limita la commedia.....	65
«Что тебе мир, валяющийся у ног...»	66
«Ах, не ври. И при мне не вибрируй...»	67
Морок о детстве.....	68
«Падает снег на снег...»	69
«Если вспомнить – да сколько речей утекло...»	70
«Внезапно замолчали соловьи...»	71
«...а мог бы взять – да пренебречь...»	72

РЫБИЙ ЖАНР

«Репетиция вечности в полном разгаре...»	74
«Что там в стакане? Чай?...»	75
«Искусственность дыхания рот в рот...»	76
«В глухой Сибири, где бродит лось...»	77
«...Идти к вокзалам трём после обеда...»	79

«В суставах хруст аттических солей...»	80
«Выпавший из расписанья скорый...»	81
«Мне стыдно вспомнить почему-то...»	82
«В глазах рябит...»	83
Автору от персонажей	84
«нетопырь оттопырился. может и нам принесут...»	85
«Давай я тебя выдумаю...»	86
«Я вышел из абсурдовоза...»	87
«обжегшись крапивой...»	88
«стоял апрель...»	89
«Время? – После обеда...»	90
«дерево в степи...»	91
«Мама, мне снилось поле...»	92
«Джонсонс беби вырвется из тюрьмы...»	93
Вариации	94
«Принять с утра две полумеры...»	95
«мы пьём из незнакомых пузырьков...»	96
«Граф де ля Фер читает Бродского на “Культуре”...»	97
«Эта музыка – музыки для...»	98
«Мастер проповедует мастерство...»	99
Рыбный день.....	100
«Зарекшись от сумо и от трюмо...»	105
Молитва пазла.....	106
«ад писателя – это лес...»	107

240 руб. 00 коп.

Литературно-художественное издание

Дмитрий Владимирович Мурзин

БЕНГАЛЬСКАЯ ВОДА

Стихи

e-mail: murzind@mail.ru

Блог в Живом Журнале: <http://murzind.livejournal.com>

Редактор — *Евгений Степанов*

Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива*

Дизайн обложки — *С. Скобликов*

Корректор — *И. Шатерник*

Фотография — *М. Свинойной*

Бумага офсетная

Гарнитура Minjon

Тираж 500 экз.

Сдано в набор 26.11.2013

Подписано в печать 15.12.2013

Издательство «ВестКонсалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.

Мурзин великолепно владеет языком, поэтому, даже не прибегая к каким-то замысловатым приёмам, не «утяжеляя» искусственно слог, выражает такие настроения и чувства, что повергает в раздумья самого искушённого читателя.

Константин Ковалёв-Случевский
“Литературная газета”

Дмитрия Мурзина, несмотря на то, что живет он в Кемерово, ну никак не отнесешь к провинциальным или, если быть более корректным в данном определении, региональным литераторам. И вовсе не потому, что он окончил Литинститут и с полным правом может считаться «своим» в столичной тусовке. Дело в мировоззрении автора. «Малая» Родина плавно перетекает у него в «большую», и наоборот. Разумеется, в его стихах присутствует некий «кемеровский патриотизм», но лишь в той мере, в какой это обязательно для сибиряка. События в стране волнуют его не меньше, а может и больше, чем хроника новостей местного разлива.

Игорь Панин
«Дети Ра»